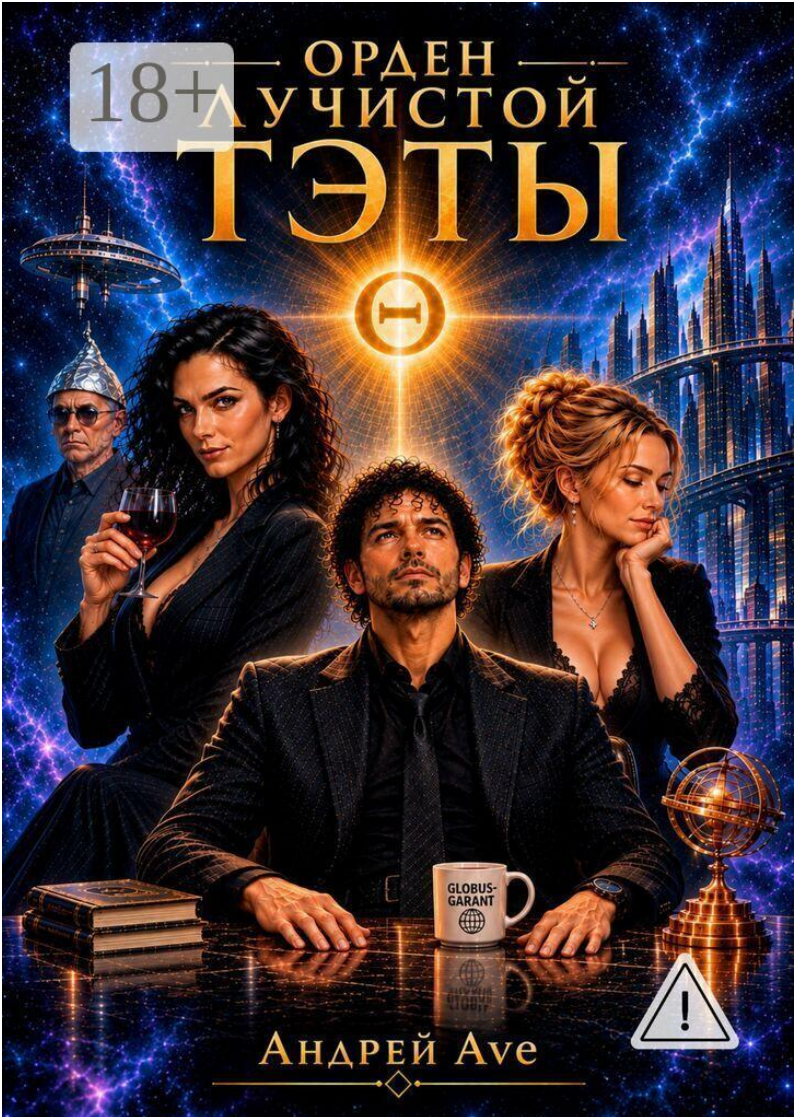

18+
Орден
Лучистой
Тэты
GLOBUS-
GARANT
Андрей Ave

Андрей Ave
Орден лучистой Тэты

https://litres.ru/74900507
ISBN 9785007167345

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Это произведение в стиле мистического реализма, где метафизическая сатира, офисная рутина, эзотерика, геополитика и абсурд — оказываются частями одной Игры!

Содержание

Глава I 6
Лиловый блик на сером асфальте 6
Глава II 11
Шёпот медных клемм 11
Глава III 16
Алгоритм неопределённости 16
Глава IV 20
Кроткие наследники Прованса 20
Глава V 24
Диета для Духа 24
Глава VI 29
Эхо Одиннадцатого 29
Глава VII 32
Десинхронизация пользовательского интерфейса 32
Глава VIII 36
Ночной дозор Лилит 36
Глава IX 39
Под личным надзором 39
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Орден лучистой Тэты

Андрей Ave

© Андрей Ave, 2026

ISBN 978-5-0071-6734-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Даже если Бог реален,
ему нужен свой отдел кадров.

Глава I

Лиловый блик на сером асфальте

В тот вторник небо над городом напоминало застиранную простыню — серое, плоское и до тошноты привычное. Я шёл, меланхалично подсчитывая, сколько крупиц смысла осталось в моей жизни… Ветер лениво гнал по тротуару пыль, и мир казался выцветшим старым фотоснимком, который забыли на солнце.

Прямо на щербатом асфальте лежала карточка. Она не просто отражала свет — она выглядела как дерзкая пощёчина этой серости. Цвет её был не поддающимся описанию: глубокий индиго с каким-то жемчужным отливом, который менялся под каждым углом зрения.

Я поднял её. Пластик оказался неожиданно тяжёлым, прохладным и пах чем-то средним между озоном и дорогим отелем. На лицевой стороне серебром сияла надпись:

«Твоя Тэта тускнеет. Мы вернём ей первозданный блеск. Сделай шаг за пределы Динамики».

На обороте не было ни телефона, ни сайта — только адрес в самом престижном районе города и приписка: *«Ваш первый сеанс Тэта-Генезиса уже оплачен Вселенной»*.

«Вселенная платит по моим счетам? Что за наглый, вы-

чурный бред», — подумал я, но карточку не выбросил. В кармане она ощущалась как крошечный уголёк, приятно согревающий бедро.

Здание «Ордена Лучистой Тэты» нашлось за тяжёлыми дверями из матового стекла, которые открывались с бесшумным вздохом. Внутри меня встретил не запах церковного ладана или казённого офиса, а аромат… лимона и свежескошенной травы, хотя за окном стелился пыльный асфальт.

В холле не было стоек регистрации. Вместо них стояли обтекаемые диваны из белой кожи, на которых сидели люди с лицами настолько умиротворёнными, что это казалось почти неприличным. Они не листали журналы и не смотрели в телефоны. Они просто… пребывали.

— Вы вовремя, — раздался мягкий женский голос.

Ко мне подошла девушка в платье цвета «пепел розы». Её движения были плавными, словно она двигалась не в воздухе, а в чистом эфире. На её груди сиял значок — та самая золотая спираль.

— Я… я по поводу карточки, — я замялся, пряча озябшие руки в карманы. — Здесь сказано, что некий сеанс оплачен Вселенной. Я бы хотел забрать свой выигрыш, если это возможно.

Она не рассмеялась, хотя мой тон был вызывающе-скептичным. Напротив, она посмотрела на меня с таким глубоким сочувствием, будто я только что признался в чём-то по-

стыдном.

— О, вы имеете в виду Первичную Диагностику Мерцания. Разумеется. Но прежде чем мы приступим к цифрам, позвольте угостить вас нашим особым сбором. Тэта это оценит.

Она подвела меня к массивному, сияющему начищенной медью самовару, который выглядел здесь, среди хай-тек мебели, как пришелец из другого века. Рядом на подносе стояли крошечные фарфоровые чашки, почти прозрачные на свету.

— Это чай «Утренний Континуум», — прошептала она, наливая тёмную, пахнущую хвоей и диким мёдом жидкость. — Он помогает сознанию отклеиться от бытовых мелочей.

Чай был странным. С первым глотком на языке расцвела терпкость, а следом пришло необычное ощущение лёгкого холода в затылке. Мой внутренний критик, до этого вопивший об осторожности, вдруг присмирел, словно его накрыли бархатной подушкой.

— А теперь, — девушка протянула мне изящный планшет в кожаном переплёте, — ответьте на несколько вопросов нашего Вводного Теста. Это поможет нам настроить частоту «Тэта-Генезиса» именно под ваше сияние.

Я опустился в глубокое кресло, сделал ещё глоток «Континуума» и уставился в экран. Вопросы были, мягко говоря, специфическими:

«Часто ли вы чувствуете, что мебель в вашей комнате

осуждает вас за недостаточное рвение к жизни?»

«Если бы вы были геометрической фигурой, какой из ваших углов болел бы чаще всего?»

«Случалось ли вам во сне забывать своё имя, но помнить вкус цвета ультрамарин?»

«Как часто вы ощущаете, что ваше тело — это лишь тесное пальто, сшитое нерадивым портным?»

Я усмехнулся. Идиотизм. Но под воздействием странного чая и этой вкрадчивой тишины, я ловил себя на мысли, что вопрос про мебель не лишён смысла. Вчера мой старый комод действительно смотрел на меня как-то особенно надменно.

Я начал нажимать на кнопки, погружаясь в этот нелепый опросник. С каждым ответом внутри росло странное, щекочущее любопытство. Мне вдруг до смерти захотелось узнать, какой же «угол» у меня болит и почему эти люди в лиловых одеждах смотрят на мир так, будто знают пароль от самого мироздания.

— Готово? — девушка возникла рядом бесшумно, как тень. — О… посмотрите на график. Ваша Тэта не просто тускнеет, она находится в состоянии «Великого Молчания». Это редкий случай, Андрэ. Случай, требующий немедленного вмешательства.

Она указала на ломаную линию на экране, которая выглядела как кардиограмма спящего камня. И хотя рассудок твердил мне, что это просто случайные пиксели, сердце пре-

дательски ёкнуло. «Редкий случай». «Великое Молчание».

— И что теперь? — спросил я, чувствуя, как чашка в моих руках становится всё тяжелее.

— Теперь, — она загадочно улыбнулась, — мы пройдём в зал «Тэта-Генезиса». Нам нужно разбудить вашего внутреннего Творца, пока он окончательно не превратился в материю.

Глава II

Шёпот медных клемм

Зал Тэта-Генезиса оказался совсем не похож на операционную, чего я подсознательно ожидал. Здесь не было кафеля или холодного света ламп. Напротив, комната была погружена в густые, почти осязаемые сумерки, в которых плавали золотистые пылинки, подсвеченные невидимым источником. Воздух здесь был неподвижен, словно в склепе очень богатого и очень чистоплотного фараона.

— Присаживайтесь, — мягко скомандовал мой спутник.

Мужчина, которого девушка назвала Мастером Процессинга, выглядел лет на сорок пять, если только у «сияющих» людей вообще был возраст. Его звали Герман. У него были безупречно сухие ладони и манера смотреть не в глаза, а куда-то в район моего переносицы, словно там у меня был приклеен ценник, который он пытался прочесть.

В центре комнаты на изящном треножнике покоился прибор. Он напоминал антикварный барометр, к которому припаяли две алюминиевые банки из-под газировки, соединённые витыми проводами.

— Это «Тэта-Клинк», — благоговейно произнёс Герман. — Единственное устройство в одиннадцати измерени-

ях, способное измерить сопротивление вашей души материальному миру. Возьмите электроды.

Я послушно обхватил холодные цилиндры. Руки слегка подрагивали — то ли от остатков «Континуума» в крови, то ли от предвкушения чего-то грандиозного.

— Простите, одиннадцать измерений? Ну мы ведь живёт только в трёх, или четырёх, — я слегка поперхнулся, выдавая недоумение.

— Не отвлекайтесь, не всё сразу. Действительность открывается постепенно. Так, сейчас я буду задавать вопросы, — Герман едва коснулся пальцем стрелки прибора. — Не думайте над ответами. Пусть отвечает ваша Тэта. Она не умеет лгать, в отличие от вашего разума, который замусорен переплетением мыслеформ.

— Переплетением мыслеформ? — переспросил я, чувствуя недоумение. — Никакого переплетения, у меня в голове в основном счета за электричество, список продуктов и… — тут я запнулся, действительно осознавая некое переплетение.

Герман тонко улыбнулся.

— Именно, что и… Это и есть ловушка. Вы думаете, что вы — список продуктов и ещё нечто неопределённое. Но на самом деле вы — тонкая вибрация, запертая в холодильнике быта. Итак, начнём. Вспомните момент, когда вы в последний раз чувствовали себя по-настоящему живым.

Я зажмурился. Перед глазами поплыли пятна.

— Не знаю… Наверное, в детстве. Когда я нашёл на даче дохлого ежа и решил, что он спит. Я ждал три часа, пока он проснётся.

Стрелка на приборе бешено дёрнулась вправо и замерла. Герман сделал пометку в блокноте с кожаным переплетом.

— Ёж. Хорошо. Это был момент искреннего намерения оживить материю. А теперь скажите, Андрэ… чувствовали ли вы когда-нибудь, что ваше лицо — это маска, которую вам выдали в бюро проката и забыли принять обратно?

Вопросы посыпались градом. Они были абсурдными, колючими и какими-то… неуместно интимными.

«Часто ли вы извиняетесь перед неодушевлёнными предметами, когда случайно задеваете их плечом?»

«Представьте, что вы — звук падающего в лесу дерева, которое никто не слышит. Какой вы тональности?»

«Были ли вы в тринадцатом веке виновны в порче урожая в Провансе?»

Спустя час я чувствовал себя так, словно меня пропустили через центрифугу. Голова кружилась, но в груди — там, где обычно сидела привычная свинцовая тяжесть, — вдруг стало подозрительно пусто и легко.

— Посмотрите, — Герман развернул ко мне прибор. — Когда мы коснулись вопроса о тринадцатом веке, стрелка ушла в глубокий «плавающий сброс». Это означает, что ваша Тэта помнит ту вину. Вы не просто клерк из двадцать

первого века. Вы — сущность с огромным стажем ошибок и побед. И сегодня мы начали их стирать.

Он встал, давая понять, что аудиенция окончена.

— На сегодня достаточно. Ваше мерцание усилилось на три целых и две десятых пункта. Зайдите к администратору, она выпишет вам счёт и график следующих погружений. И… — он на секунду задержал на мне взгляд, — не удивляйтесь, если сегодня во сне вы услышите музыку, которой нет в этом мире.

Я вышел в холл, пошатываясь, как пьяный. У стойки всё та же девушка в платье «пепел розы» уже протягивала мне счёт. Цифра внизу была внушительной — она примерно равнялась моей зарплате за неделю. Я слегка замешкался.

— Это скромная дань на пути вашего восхождения к безупречной Тэте. Но мы не настаиваем, вы можете отказаться от оплаты, если это восхождение для вас.

Странное дело, я не протестовал и даже не задал вопроса. Посмотрев на девушку… я благодушно рассмеялся. В конце концов, что такое бумажки с абстрактными картинками по сравнению с виной за испорченный урожай в Провансе семьсот лет назад?!

— До завтра, Андрэ, — пропела девушка, и её улыбка в этот раз показалась мне не просто вежливой, а какой-то… заговорщицкой.

Я вышел на улицу. Серый город всё ещё был серым, но теперь я смотрел на него свысока. Я узнал нечто поразитель-

но. Я был «сущностью со стажем». И этот стоило каждого евроцента.

Глава III

Алгоритм неопределённости

Ночь прошла под знаком Прованса. Мне не снились колосья или средневековые крестьяне с вилами, нет. Мне снился сам запах вины — густой, пряный, осевший на нёбе копотью сожжённого урожая. А под утро в ушах действительно зазвучала музыка: тонкий, вибрирующий гул, похожий на пение высоковольтных проводов в морозную ночь. Это было пугающе красиво и абсолютно неуместно в моей съёмной квартире, где из звуков обычно превалировал лишь кашель соседа за стеной.

На следующее утро я замер у зеркала. Я всматривался в свои черты, пытаясь разглядеть там «тонкую вибрацию»… Но видел лишь человека, которому пора было побриться и сменить работу.

— Тонкая вибрация в холодильнике быта, — пробормотал я, пробуя слова на вкус. Они всё ещё казались идиотскими, но в них было некое очарование, как в дорогом парфюме, который пахнет кожей и порохом.

Весь следующий день я провёл в компании своего старого ноутбука, который гудел так надсадно, словно тоже пытал-

ся выйти в иное измерение, но застревал на уровне системы охлаждения.

Поисковики на запрос «Орден Лучистой Тэты» выдавали стерильную пустоту. Лишь пара упоминаний на закрытых форумах любителей антиквариата и странная заметка в светской хронике пятилетней давности: «Закрытый вечер элитарного клуба для обсуждения метафизики звука». Ни скандалов, ни разоблачений, ни гневных отзывов обманутых клиентов. Это пугало больше всего. Организация, которая берет тысячи евро за «Архитектуру Пустоты», не могла быть настолько невидимой. Или могла, если её клиенты предпочитали молчать, а информация в сети подвергалась изысканной аннигиляции.

Я открыл окно чата с новейшей нейросетью. «Расскажи мне об Ордене Лучистой Тэты и теории одиннадцати измерений в контексте освобождения Тэты», — напечатал я, предвкушая раскрытие тайны.

Курсор замер. Обычно чат-бот выдавал ответы мгновенно, но сейчас он словно раздумывал. Наконец, экран заполнился текстом:

«Внимание. Запрос касается областей с нестабильной семантикой. Согласно фрагментарным данным, одиннадцать измерений — это не пространственные координаты, а фильтры восприятия, наложенные на Изначальный Шум. Теория гласит, что Тэта — это ошибка кода, осознавшая себя как программист. Орден не является организацией в че-

ловеческом смысле слова; это точка сборки для векторов, стремящихся к нулю. Предупреждение: дальнейшее изучение вопроса может привести к десинхронизации вашего пользовательского интерфейса с явью. Рекомендуется выпить стакан воды и посмотреть на облака».

Я откинулся на спинку стула. «Десинхронизация пользовательского интерфейса»? Чёртова машина издевалась надо мной или цитировала их внутренние методички? Но вместо того чтобы захлопнуть ноутбук, я ощутил колючий прилив восторга. Если даже бездушный алгоритм начинал нести высокопарную чепуху при упоминании Ордена, значит, я наткнулся на нечто действительно выходящее за рамки геометрически выверенной скуки.

К тому же, перед глазами то и дело всплывал образ девушки в платье «пепельной розы». Как её звали? Кажется, она не представилась. Но в её взгляде было нечто такое… будто она видела меня насквозь, до самого тринадцатого века, и всё равно находила во мне что-то забавное. Мне отчаянно захотелось вернуться туда завтра — просто чтобы спросить, не болят ли у неё «геометрические углы» по утрам.

Вечером, пользуясь своим законным больничным, я вышел на прогулку. Город, знакомый до каждой трещины в фундаменте, вдруг начал вести себя странно. Раньше я видел просто старую лепнину на домах, теперь же замечал, что узоры подозрительно напоминают спирали с Тэта-Клинка. Прохожие больше не казались мне просто толпой; я всматривал-

ся в их лица, пытаясь угадать — кто из них «сияет», а кто безнадёжно погряз в «материальной ветоши».

Я заметил, как в витрине закрытого магазина манекен слегка наклонил голову. Конечно, это была игра света и моей воспалённой фантазии, но я улыбнулся ему как старому знакомому.

Вернувшись домой, я заварил обычный чай — не такой ароматный, как «Континуум», но мне показалось, что я начал чувствовать тонкие оттенки вкуса. Глядя на пар над чашкой, я открыл банковское приложение. Цифры на экране выглядели плоскими и некрасивыми.

«Следующий сеанс — работа с Эмоциональной Статикой», — вспомнил я слова Германа. — «Целая неделя зарплаты. А может, у них есть эконом-вариант? Процессинг для бедных и больных? Бюджетное мерцание в рассрочку?»

Я прихлебывал остывающий чай и понимал, что завтра всё равно пойду туда. Не из-за ежа, не из-за Прованса и даже не из-за 11 измерений. А потому, что за порогом того лилового холла мир наконец-то переставал быть предсказуемым. А это, пожалуй, стоило любых денег. Лишь бы только долги не стали двенадцатым измерением, из которого мне уже не выбраться.

Глава IV

Кроткие наследники Прованса

Двери Ордена бесшумно разошлись, впуская меня в лиловый покой. Я невольно поправил воротник, ожидая встретить взгляд той, что в мой первый визит обещала мне «рассвет Тэты», но у самовара стоял мужчина. Он был сух, подтянут и облачён в костюм такого глубокого серого цвета, что на его фоне стены казались почти розовыми.

— Доброе утро, Андрэ! — воскликнул он с такой искренней радостью, будто мы вместе провели юность на баррикадах. — Мы уж было решили, что вчера ваша Тэта окончательно заблудилась в трёх измерениях по дороге к нам.

Он шагнул навстречу, протягивая мне чашку. На этот раз чай был прозрачно-золотистым и пах сушёными яблоками и чем-то неуловимо аптечным.

— Простите, мы знакомы? — я осторожно принял фарфор, стараясь не выплеснуть «Континуум» на его безупречные манжеты. — И откуда вы знаете, что я…

— Что вы прогуляли вчерашний день? — Стефан заговорщицки подмигнул, и в уголках его глаз собрались лукавые морщинки. — Видите ли, Андрэ, в Ордене отсутствие адепта ощущается как внезапно наступившая тишина в ор-

кестре. Мастер Герман вчера весь вечер сокрушался, что ваш «плавающий сброс» остался без присмотра. Меня зовут Стефан. Я приглядываю за архивом Тэта-Клинка и за тем, чтобы никто не ушёл отсюда, не согрев душу чаем.

Он повёл меня к диванам, где уже расположились едва знакомый мне Жан-Пьер и экстравагантная сударыня. Сегодня её головной убор напоминал взбитое безе из белого шёлка, опасно балансирующее на грани фола и высокой моды.

— Наш беглец вернулся, — добродушно проворчал Жан-Пьер, поправляя твидовый пиджак. — Всё ещё цепляетесь за свои евро, Андрэ? Оставьте, это всего лишь раскрашенная целлюлоза. Позвольте представить вам Клару. Она уже почти не слышит шум этого мира.

Дама в шляпе медленно повернула ко мне лицо. Кожа её была тонкой, как папиросная бумага, а в глазах стояла такая бездонная пустота, что мне стало не по себе.

— Молодой человек, — её голос прозвучал как шелест сухих листьев. — Вчера, пока вы отсутствовали, я наконец-то завершила курс «Архитектура Пустоты». Я построила колоннаду, которая не опирается на землю. Знаете, что самое прекрасное? Там нет налогов. И нет гравитации.

Я невольно посмотрел на её величественное безе, гадая, не держится ли оно на голове благодаря отсутствию этой самой гравитации. — Рад за вас, Клара. И сколько… эм, измерений вы теперь видите?

— Пять, — ответила она с гордостью. — Но Герман обе-

щал, что после курса «Звенящая Тэта» я смогу видеть шестое — то, где звук обретает вкус. Это будет стоить мне квартиры в Ницце, но скажите, зачем мне Ницца, если я смогу ощущать на вкус четвёртую симфонию Брамса?

Она улыбнулась, и я увидел, что её зубы сияют той же неестественной белизной, что и стены Ордена. Стефан, стоявший рядом, вкрадчиво коснулся моего плеча.

— Люди отдают прах ради вечности, Андрэ. А вы, как мне передали, интересовались… более бюджетными путями к звёздам?

Я почувствовал себя школьником, пойманным на краже яблок. — Ну, я просто подумал… Возможно, для новичков есть программа, которая не требует продажи недвижимости. Что-то вроде «Тэты для начинающих».

Стефан и Жан-Пьер переглянулись. В их молчании не было насмешки — только глубокое, почти отеческое сострадание к моей финансовой приземлённости.

— Существует курс «Мреющее Мерцание», — наконец произнёс Стефан. — Но он подобен попытке рассмотреть солнце через закопчённое стёклышко. Вы получите лишь крохи, Андрэ. Неужели вы так низко цените свою искру?

— Моя искра весьма ограничена лимитом по кредитной карте, — буркнул я, допивая чай. — И можно мне ещё кружечку, он чудесносогревает мою тэту!

— Конечно, а ещё мы угостим вас нашей фирменной зефиркой! — воскликнул Стефан и взял меня под локоть. —

но после сессии, ведь сейчас вас ждёт Герман. Сегодня мы попробуем сонастроить ваше мерцание на режим «Эмоциональной Статики» по сокращённому тарифу. Но предупреждаю: Тэта не любит, когда на ней экономят. Приготовьтесь к тому, что истина сегодня будет на вкус сродни столовому вину.

Мы прошли в зал. Герман уже сидел у своего прибора, и его лицо в полумраке казалось высеченным из серого гранита.

— Садитесь, Андрэ, — произнёс он, не оборачиваясь. — Я рад, что вы нашли в себе силы оторваться от созерцания своих счетов и вернуться к нам. Но поскольку вы выбрали путь умеренности, вопросы сегодня будут жёстче. Готовы ли вы встретить свою духовную нищету лицом к лицу?

Я обхватил холодные банки Тэта-Клинка.

— За возможность сэкономить — я готов и на большее!

Глава V

Диета для Духа

Герман не шевелился. Он смотрел на стрелку Тэта-Клинка так интенсивно, будто пытался сдвинуть её силой мысли, не прибегая к моим услугам. В комнате было так тихо, что мне почудилось, словно я слышу мысли своего дознавателя.

— Эмоциональная Статика по сокращённому тарифу, — начал Герман, и в его голосе прорезались нотки разочарованного гурмана, которому подали фастфуд вместо деликатеса. — Мы не будем тратить время на изящные метафоры Прованса. Мы пойдём по живому. Сжимайте электроды крепче, Андрэ. Ваша экономия сейчас обернётся для вашей Тэты настоящим испытанием на прочность.

Стрелка дёрнулась. Прибор издал тихий, неприятный писк, похожий на комарный звон.

— Первый вопрос, — Мастер Процессинга подался вперёд. — Вспомните свою самую мелкую, самую постыдную ложь. Ту, о которой вы даже на исповеди бы промолчали, потому что она не величественна, а просто… жалка. Вспомнили?

Я зажмурился. В памяти всплыл случай в супермаркете, когда я не сказал кассиру, что мне сдали сдачу на пять евро

больше. И дело было не в деньгах, а в том глупом, вороватом восторге, который я ощутил в ту секунду.

— Вижу, — холодно заметил Герман. — Стрелка мечется. Это — «статическая грязь». Вы держитесь за эти пять евро в своём прошлом так, будто это якорь вашей личности. Скажите, Андрэ, готовы ли вы признать, что всё ваше существование до этой комнаты было лишь чередой таких вот мелких краж у собственной вечности?

— Не слишком ли круто для бюджетного курса? — выдавил я, чувствуя, как ладони начинают потеть.

— Истина не имеет скидок, Андрэ. Скидки бывают только на комфорт при её получении. — Герман коснулся какой-то кнопки на приборе, и гул усилился. — Следующий вопрос. Если бы завтра вы исчезли, какая вещь в вашей квартире первой почувствовала бы облегчение от вашего отсутствия?

Я представил свой старый, продавленный диван. Мне всегда казалось, что он вздыхает, когда я на него сажусь.

— Мой диван, — ответил я честно.

— Хорошо. Уровень отчуждения от материи — критический. Ваша Тэта настолько тяжела, что даже неодушевлённые предметы мечтают избавиться от вашего присутствия. А теперь представьте…

Сессия продолжалась бесконечно. Вопросы Германа становились всё более странными и болезненными. Он спрашивал о цвете моей тоски, о том, какой на вкус была моя первая неудача, и не считаю ли я, что мой нынешний облик — это

всего лишь плохая пародия на моё истинное «Я» из одиннадцатого измерения.

С каждым ответом я чувствовал, как реальность вокруг начинает слегка «плыть». Стены зала казались то ближе, то дальше. А в какой-то момент мне показалось, что я вижу сквозь Германа — не скелет, а какое-то мерцающее сплетение синих нитей.

— Достаточно, — внезапно оборвал он сеанс. — Ваше «Мреющее Мерцание» зафиксировано. Для первого раза по усечённому тарифу — вы выдержали на удивление много. Видимо, ваша жажда экономии сильнее вашей привязанности к покою.

Я разжал пальцы. Электроды с тихим стуком легли на подставку. Руки гудели, в голове звенело.

— Выходите. Стефан ждёт вас с обещанной зефиркой. Но помните, Андрэ: то, что вы сегодня почувствовали — это лишь тень того, что открывается на полном курсе. Вы заглянули в щель, но дверь всё ещё заперта. И ключ от неё сделан не из дешёвого сплава.

Я побрёл к выходу, чувствуя себя так, будто из меня выкачали пару литров крови и заменили их газированной водой. В холле действительно сиял Стефан, держа на блюдце белоснежный, почти светящийся кусок зефира и фарфоровую кружечку с чаем.

— Ну как? — пропел он. — Почувствовали вкус «столового вина» истины?

Я посмотрел на зефир. Он выглядел как маленькое облако из «Архитектуры Пустоты».

— Знаете, Стефан, — сказал я, беря угощение, — за такие вопросы я должен был получить как минимум кусок торта, ведь мой уровень глюкозы знатно просел.

— Это лишь скромная плата за увеличение интенсивности мерцания, — тут же парировал Стефан. — Наш зефир возместит вашу глюкозу.

Я откусил кусочек. Зефир был странным. Сначала он казался обычным, но через секунду на языке возник вкус… озона и утреннего ветра. Того самого, что я чувствовал во сне про Прованс. Я даже забыл про чай, но Стефан услужливо дождался, пока я возьму чашку и сделаю глоток.

— Это только начало, Андрэ, — он мне мягко улыбнулся. — Завтра мы перейдём к более интересным вещам. Если, конечно, ваша кредитка позволит вам ещё одно свидание с вечностью.

Я взглянул на счёт, он едва ли не на порядок был ниже предыдущего. Внутри меня расцвела улыбка пышным гладиолусом.

— Надеюсь Мреющее Мерцание даст мне не просто свидание, а медовый месяц с вечностью, — на этот раз я улыбнулся открыто, а затем большим глотком допил остаток чая.

Я шёл домой, и мне казалось, что мои шаги стали легче. А может, это просто кроссовки износились. Но где-то в глу-

бине сознания назойливо билась мысль: а что, если Герман прав? Что, если мой диван действительно меня недолюбливает?

Глава VI

Эхо Одиннадцатого

Следующие три дня слились в одно длинное, лиловое марево. Я бегал в Орден как на работу, хотя настоящая работа в офисе страховой компании казалась мне теперь чем-то бесконечно далёким и нелепым, словно детская игра в оплёванной подворотне.

На четвёртый сеанс «Мреющего Мерцания» я наконец-то встретил Её. Фея стояла у окна в холле, и солнечный свет, пробивавшийся сквозь матовое стекло, окутывал её платье «пепельной розы» почти мистическим ореолом.

— Доброе утро… — я запнулся, понимая, что всё ещё не знаю её имени.

— Лилит, — отозвалась она, оборачиваясь.

Но вместо привычной приветливой маски на её лице промелькнуло нечто иное. Она не улыбнулась. Лилит сделала едва заметный шаг назад, и её зрачки на мгновение расширились, словно она увидела в дверях не обычного клиента в поношенной куртке, а некое инопланетное существо.

— Вы… вы очень быстро меняетесь, Андрэ, — прошептала она. — Мастер Герман говорил, что ваша Тэта обладает аномальной проводимостью, но я не думала, что это отра-

зится на вашем… контуре. Мреющее Мерцание не должно давать таких результатов.

— На контуре? — я машинально поправил волосы. — Это всё зефир и ваши вопросы про диван. Чувствую себя легче на пару тонн, Лилит. А ещё во сне я посещал страну волшебных фей, и вы там тоже были, особенная, в этом незабываемом платье.

— О как мило… — девушка запнулась и широко улыбнулась. — Ваша тень, Андрэ, — она указала на пол, где от моих ног падало пятно света, — она движется чуть позже, чем вы сами. Пожалуйста, будьте осторожны. Процессинг по усечённому тарифу иногда оставляет края реальности необработанными. Они могут быть… острыми.

Я хотел рассмеяться и спросить, входит ли заточка реальности в стоимость курса, но её зажатость охладила мой пыл.

— Лилит, может вы приболели? Давайте сходим в шоколадницу, я угощу вас особым рецептом горячего шоколада.

Она ещё раз недоверчево посмотрела на мою тень, а затем тихо сказала:

— Может быть… в другой раз.

После этих слов Лилит удалилась, оставив меня в лёгком недоумении.

В тот день Герман не задавал вопросов о Провансе. Он заставил меня полчаса смотреть на пустую стену и описывать «цвет звука, который издаёт моё нежелание возвращаться в офис». Изощрённая шиза, но это, определённо работало!

На шестой день, когда я в последний раз перед выходом с больничного покидал лиловые залы, Стефан на прощание вручил мне небольшой флакон с тёмной жидкостью.

— «Эссенция Статики», Андрэ. Капайте в кофе или кефир, если мир начнёт казаться слишком… плоским. Вам завтра на работу, не так ли? Первый день в трёх измерениях после такой проработки бывает болезненным.

Я спрятал флакон в карман, уверенный, что это очередной маркетинговый трюк. Но, засыпая в ту ночь, я впервые не услышал кашля соседа. Вместо этого я слышал, как в соседнем квартале растёт трава, и этот звук был подозрительно похож на вкрадчивые аплодисменты.

Глава VII

Десинхронизация пользовательского интерфейса

Понедельник встретил меня привычным звонком будильника, но звук его был не мерзким дребезжанием, а чистой, кристальной нотой «ми», которая, казалось, прошла сквозь мою подушку, не встретив сопротивления. Я открыл глаза и осознал, что вижу пылинки в воздухе не как сор, а как сложную хореографию микроскопических танцоров.

В офисе страховой компании «Глобус-Гарант» всё было по-старому: запах пережжённого кофе, надсадный гул принтеров и мой начальник, господин Миллер, чьё лицо всегда напоминало недоваренный пельмень. Но теперь я видел детали, которые раньше ускользали от меня. Я видел, что Ганс из отдела претензий нервно постукивает пальцами по столу, и это было не просто от напряжения — его Тэта буквально исходила ультразвуковым визгом, моля о помощи. Она была зажата между дедлайном и страхом не выплатить ипотеку. Что же, может, однажды ему повезёт, и я отведу его в Орден, а пока…

— Андрэ! — рявкнул Миллер, возникая над моим сто-

лом. — Отчёт по ДТП на пятьдесят тысяч евро должен был быть готов ещё в четверг! Болеть — это почтенно, но цифры не ждут прихода музы.

Я медленно поднял на него глаза. Миллер замер. Его крик застрял где-то в гортани, превратившись в невнятное бульканье. Я не злился, не оправдывался. Я просто улыбнулся — той самой мягкой, «сияющей» улыбкой, от которой у Лилит расширялись зрачки.

— Господин Миллер, — произнёс я, и мой голос прозвучал так бархатисто, что даже старый ксерокс в углу перестал жевать бумагу. В этом тембре было нечто от Голоса, о котором писали в старых фантастических романах — приказ, завёрнутый в шёлк. — Неужели вы действительно верите, что эти цифры имеют вес в бесконечности незримого мерцания нашей Вселенной? Посмотрите на этот отчёт. Это же просто статическая пыль на ткани вечного «Сейчас».

Миллер открыл рот, собираясь разразиться тирадой о дедлайнах и премиях, но вдруг его лицо разгладилось. Злость вытекла из него, как воздух из проколотого шарика. Он посмотрел на стопку бумаг, потом на мои руки, и в его глазах блеснуло что-то человеческое, давно забытое под слоем корпоративных регламентов. Словно он вспомнил, как в детстве строил замки из песка, зная, что их смоет прилив.

— Статическая пыль… — пробормотал он, и его голос подозрительно дрогнул. — Да. Наверное. Знаешь, Андрэ… Чёрт с ним, с этим отчётом. Сходи на обеденный перерыв.

Прямо сейчас. Ты как-то… посветлел. Тебе определённо пошёл на пользу этот больничный.

Он развернулся и ушёл к себе в кабинет, забыв, зачем приходил, и даже не захлопнув дверь. Весь отдел замер в гробовой тишине. Ганс перестал стучать пальцами. Я чувствовал на себе их взгляды — в них была смесь зависти и первобытного ужаса перед тем, кто только что приручил их домашнего тирана одной фразой.

В обед я решил провести эксперимент. Спустившись в маленький сквер за офисом, я сел на скамью и капнул две капли «Эссенции Статики» Стефана в свой кефир. Напиток на мгновение покрылся лиловой плёнкой, а затем стал прозрачным, как горный ручей. Первый же глоток отозвался в теле странной прохладой: я почувствовал каждую пору своей кожи, каждый электрический импульс в нейронах.

Когда я потянулся за чашкой, произошло то, что заставило меня похолодеть. Моя ладонь… она на долю секунды потеряла плотность, став полупрозрачной дымкой. Я увидел структуру офисного стола — или, вернее, саму суть материи: рой суетливых атомов, которые, казалось, вежливо расступились перед моими пальцами, как толпа перед важной персоной. Чашка прошла сквозь поверхность стола на пару сантиметров, прежде чем я успел её подхватить, восстановив концентрацию.

«Десинхронизация интерфейса», — пронеслось в голове.

— «Края реальности становятся слишком острыми для этого кефира».

Я понял, что мир вокруг — это лишь плохо подогнанные друг к другу декорации, удерживаемые на месте только нашей привычкой верить в их твёрдость. Моя Тэта больше не хотела верить. Она хотела проходить сквозь стены.

Я посмотрел на проходящих мимо людей. Они двигались тяжело, словно по колено в патоке, связанные тысячами невидимых нитей своих забот. Достаточно одной правильной улыбки, одного слова, сказанного на нужной частоте, и вся эта имитация жизни рассыплется, обнажая звенящую, холодную и бесконечно прекрасную пустоту одиннадцати измерений. Но готов ли я был стать тем, кто обрушит этот карточный домик?

Я спрятал флакончик поглубже в карман. Стефан предупреждал, что истина на вкус как столовое вино, но он забыл добавить: от этого вина очень быстро наступает опьянение, граничащее с божественным безумием.

Глава VIII

Ночной дозор Лилит

Остаток рабочего дня превратился в изнурительную попытку казаться нормальным. Я изо всех сил имитировал вовлечённость: стучал по клавишам, хмурился, глядя в монитор, и даже заставил себя обсудить с Гансом сорт дешёвой арабики в офисном автомате. Но мир упорно не желал восстанавливать свою монолитность.

В углах кабинета зрение выхватывало странную зыбь — будто пространство там было сшито небрежными, крупными стежками, сквозь которые проглядывало лиловое ничто. Мой отчёт, над которым я всё же склонился, казался набором пляшущих насекомых. Цифры пятились, менялись местами и, казалось, тихо хихикали над моей попыткой упорядочить хаос. Я чувствовал себя водолазом, который пытается притвориться, что он гуляет по парку, в то время как давление толщи воды над ним грозит раздавить шлем.

Домой я почти бежал. Город вокруг распадался: неоновые вывески мигали в ритме моего пульса, а лица прохожих на мгновение становились мазками серой краски, не успевая прогрузиться в моей обновлённой реальности. Это было по-

хоже на описание белой горячки, по крайней мере в её лёгкой форме, но я очень надеялся, что не схожу с ума.

«Завтра. Завтра же в Орден», — стучало в висках. — «К Герману. К Стефану. Пусть залатают эти прорехи». Но глубоко внутри, под слоем страха, жило иное желание. Мне не нужны были их приборы. Мне нужно было увидеть Лилит. Только её настороженный взгляд в тот день был по-настоящему искренним. Только она видела мою тень.

Дома я что-то съел, а затем рухнул в кровать, даже не раздевшись. Сон навалился тяжёлой пыльной шторой, но это был не отдых, а провал.

Я очнулся — или мне так показалось — в глубоких сумерках своей спальни. Воздух был вязким и пах сухими розами и озоном. Я лежал неподвижно, боясь шевельнуться, и сквозь полуоткрытые веки заметил силуэт.

В моём старом кресле, в паре метров от кровати, кто-то сидел.

Сердце пропустило удар. Это была девушка. Полутьма услужливо скрывала детали, но я видел очертания полупрозрачного халата, который мреющим туманом окутывал её плечи. Она сидела абсолютно неподвижно, положив подбородок на ладонь, и смотрела прямо на меня. В этом взгляде не было враждебности, лишь холодное, почти научное любопытство.

«Лилит…» — пронеслось в моей голове, как сухой шелест.

Имя отозвалось странным эхом. Где я его слышал раньше? Не в лиловых залах Ордена, а гораздо раньше. Древние свитки, апокрифы, легенды о той, что отказалась подчиняться и ушла в ночную пустоту, став матерью теней. Неужели Орден Тэты скрывает опасные секреты? Неужели за «пепельной розой» скрывается та, чьё имя боялись произносить вслух?

Она чуть наклонила голову, и прядь волос упала ей на лицо. Мне показалось, что она улыбнулась — не той дежурной улыбкой администратора, а так, словно мы оба знали некую постыдную тайну о строении этого мира.

Я хотел позвать её, спросить, настоящая ли она или это «Мреющее Мерцание» окончательно выжгло мой рассудок, но язык не повиновался. Моё тело было приковано к кровати невидимыми нитями статики… Хотя, возможно это был банальный сонный паралич.

— *Спи, Андрэ*, — едва слышный шёпот коснулся моих ушей, хотя её губы не шевельнулись. — *Твоя тень почти догнала тебя. Скоро вам станет тесно в одном теле*.

Я провалился в черноту без сновидений, и последним, что я запомнил, был блеск её глаз в темноте — они светились тем же мягким, холодным светом, что и электроды Тэта-Клинка.

Глава IX

Под личным надзором

Утро началось не с кофе, а с осознания того, что я больше не борюсь с миром. Я начал в нём обживаться. В офисе я обнаружил, что если слегка расфокусировать взгляд, то можно увидеть не только «статическую грязь» в отчётах, но и линии вероятностей. Я заполнил три сложнейших страховых иска за час, просто интуитивно чувствуя, где клиент врёт, а где цифры сами просятся в нужную графу. Это было похоже на читерство в компьютерной игре: я скользил по поверхности реальности, не задевая её острых углов. Мир перестал быть лабиринтом, он стал чертежом, на котором я видел каждую складку, по крайней мере на доступном мне уровне.

Весь день я ждал вечера. Мысль о Лилит в кресле жгла меня сильнее, чем электроды Тэта-Клинка. Как только часы пробили пять, я, не прощаясь с Гансом и проигнорировав недоуменный возглас Миллера, вылетел из здания.

К желанному месту я подскочил с энтузиазмом, но у дверей Ордена меня ждал холодный душ. Тяжёлые лиловые створки, которые раньше расходились передо мной с услужливым вздохом, были мертвы. Ни огней, ни звуков, ни за-

паха яблок. Начищенная латунная табличка смотрела на меня с немым равнодушием. Орден затаился. Был ли сегодня санитарный день или какой-то особый выходной, мне осталось неведомо. Я расстроился. Но не отчаялся. Что ж, зайду завтра. В конце концов адепт «Лучистой Тэты» должен быть выше бытовых преград.

Озадаченный и внезапно ощутивший себя сиротой в этом зыбком мире, я побрёл домой через городской парк. Листья на деревьях шелестели слишком громко, обсуждая мою растерянность, а мои глаза ловили мельчайшие трещины в тротуарной плитке, что вызывало во мне лёгкую панику о бренности бытия.

— Закрытая дверь — это не конец, а новое начало, Андрэ, — раздался тихий голос со скамьи под платаном.

Я вздрогнул и обернулся. Там сидела женщина в неприметном сером плаще, повязав голову платком и скрыв глаза за огромными роговыми очками. Она выглядела как обычная горожанка, решившая передохнуть, но её Тэта… она вибрировала на той частоте, которую я теперь узнал бы из тысячи.

— Лилит? — я подошёл ближе, моё сердце забилось в ритме танцующей стрелки Тэта-Клинка. — Что произошло? Почему там закрыто?

Она чуть сдвинула очки, и я увидел её глаза. В них больше не было холодного любопытства, только строгая сосредоточенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.